О православном взгляде на нехристианские религии

Протоиерей Всеволод, Юрий Максимов, Дмитрий Сафонов

Церковный вестник

Общее отношение к последователям других религий

Православная Церковь учит, что все люди созданы Богом по образу Его и родственны друг другу и что заповеди Христовы о любви к ближнему не имеют границ. Поэтому преподобный Феодосий Печерский говорил: «Если увидишь нагого или голодного, или в беду попавшего – будет ли то иудей или мусульманин, <…> – ко всякому будь милосерд, избавь его от беды, как можешь, и не лишен будешь награды у Бога, ибо Сам Бог в нынешнем веке изливает милости Свои не на христиан только, но и на неверных».

Нельзя не вспомнить и такие слова святителя Луки (Войно-Ясенецкого): «Надо было бы, чтобы обратились ко Христу и все добрые и благочестивые люди, не ведущие Христа – из мусульман, из евреев и из буддистов. И если бы случилось так, были бы они для нас самыми дорогими братьями, а теперь только достоуважаемые люди, к которым должно относиться с любовью, а не превозноситься пред ними».

Пример того, как надо с любовью относиться к человеку иной веры, нам дают многие святые отцы. Например, святитель Василий Великий, как написано в его житии, много лет дружил с иудеем, который обратился в христианство лишь за день до смерти святителя. По свидетельству святого Николая Мистика, святитель Фотий Константинопольский имел дружеские отношения с халифом ал-Мутамидом, а святитель Павлин Ноланский поддерживал такие же отношения с язычником Авсонием.

Наконец, можно вспомнить слова святителя Игнатия (Брянчанинова), который призывал: «И язычнику окажи почтение, как образу Божию. Что тебе до их немощей и недостатков! Наблюдай за собою, чтоб тебе не иметь недостатка в любви».

Такими словами и примерами святых отцов Православная Церковь руководствуется в отношении к последователям других религий. Но при этом следует понимать, что уважение, милосердие и личное расположение, которое православный христианин оказывает человеку иной веры, не означает согласия с теми убеждениями, которые этот человек разделяет.

Отношение к доктринам других религий

Святые отцы отмечали некоторые положительные стороны в других религиях. Например, преподобный Феофан Исповедник свидетельствовал, что Мухаммед учил «сострадать друг к другу и помогать обижаемым», а святитель Григорий Палама говорил, что «считает хорошим ритуал» мусульманского погребения. Святитель Николай Японский писал: «Буддизм – самая глубокая из языческих религий», и отмечал, что эта религиозная традиция воспитала в японцах взаимную любовь, став «учением-нянькой» японского народа, а преподобный Иустин (Попович) определял буддизм как «наиболее точную из нехристианских религий».

Однако, несмотря на это, все святые отцы, писавшие об иных религиях, констатировали принципиальное отличие их учений от христианской истины и даже противоречие ей. Поэтому общее отношение к доктринам других религий определяется тем фактом, что все они в той или иной степени не принимают вести о спасении рода человеческого от проклятия, греха и смерти, совершенном через крестную жертву Господа Иисуса Христа, истинного Бога и истинного человека.

Слово Божие последовательно утверждает, что без принятия Иисуса Христа как Сына Божия невозможно подлинное богопознание: «Всякий, отвергающий Сына, не имеет и Отца» (1Ин. 2:23), «кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца» (Ин. 5:23), «никто не знает Отца, кроме Сына, и кому Сын хочет открыть» (Мф. 11:27). Сам Господь говорит: «Я есмь путь, истина и жизнь. Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6), «видевший Меня видел Отца <…> Я в Отце и Отец во Мне» (Ин. 14:9,11). По свидетельству преподобного Иустина (Поповича), «связь человека с Богом определяется в соответствии со связью, какую кто имеет со Христом. Поскольку не существует Бога без Христа ни на небе, ни на земле, ни под ней».

В силу этого нельзя принять суждения, согласно которому верующие самых разных религий поклоняются «одному Богу» и идут к Нему разными путями. Представления о Боге у многих нехристианских народов были сформированы отчасти под влиянием Его естественного откровения, проявляющегося в тварном мире, однако такие представления сами по себе недостаточны для познания истины, и именно поэтому Бог дал людям сверхъестественное откровение – Священное Писание Ветхого и Нового Заветов. Более того, представления о Боге, не основанные на Священном Писании, а тем более противоречащие ему, являются в лучшем случае неполными, а в худшем – попросту ложными. Так,

например, учения, которые говорят о Личном Боге, ближе к христианству, чем учения, говорящие о существовании безличного Абсолюта, а эти, в свою очередь, ближе, чем те, что вообще отрицают существование Бога.

В случае, когда представление людей о Боге радикально противоречит тому, что Он есть на самом деле, они поклоняются не истинному Богу, а выдуманному ими существу или тварным духовным существам. Если же поклонение, которого достоин только Бог, воздается сотворенному предмету (идолу), элементам природы, земным стихиям, мы никак не можем сказать, что люди тем самым воздают почтение Единому Богу. Об этом свидетельствуют и слова апостола Павла, говорившего, что «язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу» (1Кор. 10:20).

Употребление в документах межрелигиозного диалога некоторых относящихся к Богу слов, известных из Священного Писания – «Бог», «Творец», «Всевышний», «Отец» и так далее, – не означает, что все участники диалога имеют правильное представление о Боге. То, что в процессе диалога с представителями других религий православные христиане упоминают о Боге, означает не то, что представления нехристиан о Нем будто бы тождественны православному учению, а то, что при этом православные участники диалога апеллируют к тому интуитивному чувству Бога, которым обладает в той или иной мере всякая человеческая душа, равно как и чувством истины, справедливости, способностью отличать добро от зла и совестью, как писал святой Афанасий Великий: «Путь к Богу… не вне нас, но в нас самих; и начало его может быть нами найдено… Да не отговариваются служащие идолам эллины, и вообще, никто другой да не обольщает себя, будто бы нет у них такового пути… Все мы вступили на этот путь, и всем он открыт, хотя и не все им идут… Что же это за путь? Душа каждого и в ней ум… Душа имеет понятие и о созерцании Бога, и сама для себя делается путем, не совне заимствуя, но в себе самой черпая ведение и разумение о Боге Слове».

Православные христиане убеждены, что спасение, то есть достижение блаженной вечности, возможно только в Церкви Христовой для людей, обладающих истинной верой и ведущих добродетельную жизнь, основанную на евангельских заповедях. Основанием этому служат слова Самого Господа Иисуса Христа: «Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин. 14:6). Церковь также памятует изречение святого апостола Петра о Спасителе мира: «Нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись» (Деян. 4:12). Эти слова несопоставимы ни с учением

об «апокатастасисе» – спасении всех людей вне зависимости от веры и добрых дел, ни с современной секуляризованной трактовкой христианства, забывающей о том, что в Священном Писании сказано о вечности грядущего наказания: «И многие из спящих в прахе земли пробудятся, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление» (Дан. 12:2); «И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную» (Мф. 25, 46); «Не познавшие Бога и не покоряющиеся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа… подвергнутся наказанию, вечной погибели» (2Фес. 1, 8–9).

Православные христиане с любовью относятся к каждому человеку, желают ему спасения в истинной вере и не теряют надежды на милосердие Божие ко всем людям, живым или умершим. Однако при этом для нас непреложны слова Спасителя об участи тех, кто сознательно не желает принять Его благую весть: «Кто будет веровать и креститься, спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет» (Мр. 16, 16).

Те же, кто сделались вероотступниками, подпадают под слова Господа Иисуса: «Кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10:33). А относительно посмертной участи тех, кто умер, не зная Христа и не слышав проповеди о Нем, можно сказать, что справедливый Бог, у Которого «нет лицеприятия» (Рим. 2:11), «воздаст каждому по делам его» (Рим. 2:6).

Между православно-христианской истиной и учениями других религий есть множество существенных расхождений. Однако, как заметил святитель Николай Мистик в письме к халифу ал-Муктадиру, «из-за того, что образом жизни, нравами и предметом поклонения мы разделены, разумеется, не следует быть расположенными враждебно и лишать себя общения». Поэтому принципиальные различия должны рассматриваться не как повод к конфронтации, а как те границы, которые естественно отличают одну религию от другой.

Отношение к нравственным нормам других религий

Иногда высказывается мнение о том, что у последователей различных религий совпадают нравственные принципы. В ряде случаев это действительно так, что неудивительно, поскольку нравственное чувство, заложенное Богом в природу человека, выражается в сходных моральных нормах. Можно вспомнить, например, общее почти для всех религий осуждение разврата и распутства, стремление к супружеской верности, запрет несправедливого отнятия человеческой жизни, отвержение лжи и так далее. Это признавал и святитель

Игнатий (Брянчанинов), который указывал, что последователи других религий «не чужды добродетелей нашего падшего естества».

Вместе с тем, признавая совпадение многих внешних нравственных принципов, нельзя признать идею полного тождества христианской нравственности с нравственностью иных религий. К тому же внутреннее обоснование нравственных норм в иных религиях нередко дается принципиально иное, чем в христианстве. Согласно православному пониманию, высший нравственный идеал, дающий человеку вечное спасение, достижим лишь во Христе, благодаря Его благодати, а не только личным заслугам человека. Более того, высшая, евангельская нравственность не существует автономно, но вырастает из христианской веры, из опыта жизни во Христе и реального богообщения.

При этом православные христиане верят, что каждый человек, имея в себе образ Божий, наделен нравственным чувством, способным отличать доброе от дурного. Все нравственные учения, известные человечеству, основаны на интерпретациях этого вселённого Богом в человеческую природу нравственного чувства. Этим, в частности, объясняются известные совпадения в нравственных нормах у людей самых разных религий, культур и мировоззрений.

Однако в процессе отхода людей от богоданной нравственности возникли этические представления, расходящиеся с теми, которые христиане почитают как истинные. Например, некоторые религии допускают двойные стандарты нравственности для «своих» и «чужих», некоторые допускают несправедливое отнятие человеческой жизни, насильственное принуждение к вере и так далее.

Ныне под влиянием доминирующих в обществе греховных настроений появляются «религиозно-нравственные» учения, оправдывающие явный грех. Речь идет, в частности, об оправдании гомосексуализма и блуда некоторыми религиозными общинами, относящими себя к протестантизму и реформированному иудаизму.

В ходе дискуссий о нравственной составляющей диалога религий православный христианин призван помнить, что ни «общечеловеческая нравственность», если таковая вообще существует, ни исполнение десяти заповедей Моисеева закона сами по себе не ведут к вечному спасению. Нравственные принципы, которые считают нормативными сторонники «безрелигиозной нравственности» и которые сводятся к правилу «не делай другому того, чего не желаешь себе», являются лишь границей, отделяющей цивилизованного человека от варвара.

Нормативными для достижения спасения являются Нагорная проповедь и в целом Евангелие Господа Иисуса Христа, посредством исполнения заповедей Которого человек достигает святости и соединяется с Богом. Причем единственной силой, могущей сделать человека способным достичь столь высокого нравственного идеала, является Божия благодать, подаваемая в Таинствах истинной Церкви.

Межрелигиозный диалог

В современном мире, где православные христиане постоянно соприкасаются с представителями других религий, практически нельзя обойтись без диалога с такими людьми. Он ведется как на уровне повседневных практических контактов, так и на уровне встреч и собеседований представителей Православных Церквей с представителями нехристианских религиозных общин, в том числе на различных межрелигиозных и светских форумах.

Участие Русской Православной Церкви в межрелигиозном диалоге ведется ради свидетельства об истине Святого Православия, а также ради заботы об утверждении в мире традиционных нравственных ценностей и о достижении добрых и справедливых отношений между народами. Такие цели суть исполнение заповедей: «будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет. 3:15), и «блаженны миротворцы» (Мф. 5:9).

Ради этих святых целей – свидетельства об истине Православия и установления мира – святитель Димитриан Хитрийский и святой равноапостольный Кирилл отправлялись в Багдад беседовать с мусульманами, святой Иустин Философ разговаривал с раввином, святитель Николай Японский общался с буддийскими культовыми служителями.

Следуя примеру святых отцов, в диалоге с последователями других религий мы можем свидетельствовать об Истине Христовой не только прямой проповедью Православия, но и своей любовью, добрыми делами, достойным поведением в житейских делах, включая попытки разрешения волнующих людей проблем современности, в частности, преодоления межнациональных, политических и межрелигиозных конфликтов.

В то же время, общаясь с верующими нехристианских религий, нам надлежит ясно представлять себе наши с ними вероучительные различия, твердо храня верность Истине Христовой. Это нужно не только для сохранения нами своей религиозной самобытности, но и для поддержания искренности и корректности

самого диалога, поскольку попытка игнорировать существующие различия и изображать единство там, где его на самом деле не существует, ведет лишь к разочарованиям и к еще большему разделению.

Сложившаяся в России модель межрелигиозного диалога предполагает уважение к целостности вероучения, традиций и образа жизни общин различных религий. Такое отношение восходит еще к концу XVIII века и к веку XIX, когда в России общины мусульман, а затем и иудеев, начали получать определенную свободу в устроении своей внутренней жизни, вплоть до существования религиозных законов, судов и властей, де-факто или де-юре признанных государством.

Так, в 1788 году с разрешения властей было создано Оренбургское магометанское духовное собрание, юрисдикция которого была вначале распространена на всю Россию, за исключением Таврической губернии (Крым). К началу XX века сложилась достаточно законченная система мусульманских духовных учреждений на территории страны. 17 апреля 1905 года был обнародован указ о веротерпимости, в котором был сделан и обещан в будущем ряд серьезных шагов навстречу неправославным, особенно мусульманским, подданным империи. После Манифеста 17 октября 1905 года государственная власть разрешила существование целого ряда мусульманских общественных организаций и собраний (мусульманская фракция в I–IV Государственных думах, мусульманские съезды и так далее). Важной стороной жизни мусульманской знати была ее служба в вооруженных силах России. Десятки мусульман – офицеров и генералов – отличились в многочисленных войнах, которые вело Российское государство со своими противниками. Мусульманские части были одними из самых преданных главе Российской империи воинских соединений. Составлявшие их воины считали службу российскому монарху своим религиозным долгом. Показательно, что мусульмане не только не приняли участия в революционном движении, но и выступали под знаменем восстановления монархии до конца 1920-х годов – так было, например, в Средней Азии. Государственная власть допускала использование шариата и адата для внутренней самоорганизации мусульманских общин империи, даже во внутренней России.

Что касается последователей иудаизма, то сразу после того, как после польских разделов значительная часть еврейского населения оказалась на территории Российской империи, эти люди получили свободу вероисповедания и право на собственность, хотя ареал их жизни и был ограничен чертой оседлости.

Россия оказалась первым государством в Европе, которое предоставило евреям избирательные права, хотя впоследствии это право всячески ограничивалось местными властями и было сведено на нет к концу XIX века. Однако правовые ограничения евреев в России никогда не были расовыми. Они не применялись ни к караимам, ни к горским евреям, ни к среднеазиатским евреям, свободно расселявшимся среди окружающего населения и свободно выбиравшим себе роды деятельности.

Религиозные права до 1917 года гарантировались и буддийским общинам. В целом веротерпимая политика Российской империи сочеталась с противодействием попыткам установления контроля над религиозными организациями из-за рубежа и ограничением прозелитизма. Именно такая вероисповедная политика, при всех недостатках, связанных с ограничением прав и свобод представителей иных религий, позволила Российскому государству на протяжении веков поддерживать межрелигиозный мир на своей территории.

Исторически сложившаяся в России модель межрелигиозного диалога предполагает уважение к целостности вероучения, традиций и образа жизни общин различных религий, а также исключает «смешение вер», при котором делаются попытки объявить все религиозные различия несущественными, а нечто «наиболее существенное» для всех религий – единым. Следует заметить, что при этом «наиболее существенными» обычно объявляются вещи, безусловно важные не для верующих людей, а для сторонников секуляризма: обеспечение безопасной и комфортной жизни в земном мире, а также те «прикладные» аспекты этики, которые задают гармоничные отношения между людьми и народами. При этом объявляются второстепенными ценности, имеющие для религиозных людей высший приоритет. Это вера, от которой зависит вечное бытие, святыни, религиозное измерение личной и общественной жизни, нравственные нормы, относящиеся к хранению внутренней чистоты перед Богом и осуждающие грех, даже если он не приносит никому ощутимого ущерба.

Православное понимание межрелигиозного диалога радикально расходится и с культурой так называемых «конвергенционных заявлений» (convergence statements), в которых подчеркиваются вероучительные сходства при игнорировании различий и тем самым создается ложное впечатление о высокой степени достигнутого единства. С православной точки зрения лучше честно отражать в межрелигиозных заявлениях всю полноту как согласия, так и несогласия по вероучительным вопросам.

Православная Церковь осуждает и отвергает идею религиозного синкретизма в любом ее виде. Это касается в том числе идеи, что будто бы «все религии – это пути к одной вершине» и что все они служат одному и тому же Богу. Писание говорит иное: «Один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех, Который над всеми» (Еф. 4, 5–6). Это также касается идей о том, что все религии равны или равноспасительны, поскольку будто бы являются разными частями одной всеобщей религии.

Соблазн синкретизма вызван искажением понятия об истине. Православные христиане верят и знают, что существует одна, а не несколько истин, что она едина, а не разделяется на противоречащие друг другу учения, и что эта истина открыта Богом и доступна для постижения человеком. Православные христиане помнят, что Господь Иисус Христос сказал: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14:6) и что «нет иного Христа или иной истины» (прп. Ефрем Сирин).

Для православного христианина недопустимо вытекающее из идеологии синкретизма участие в совместных молитвах или обрядах с последователями других религий. Это запрещено канонами Церкви (65 Ап., 71 Ап., 11 VI Вс. Соб., 61 VI Вс. Соб., 94 VI Вс. Соб.) и логически связано с отвержением синкретизма, ибо там, где нет единства почитания, не может быть и единства поклонения. Тысячи христианских мучеников предпочли смерть участию в ритуалах иноверцев.

Вступая в отношения с людьми других вер и убеждений, православный христианин призван всегда оставаться верным Истине Божией, которая неизменна, как Сам Бог. Именно этим, а не «политкорректным» замалчиванием своих убеждений, он принесет настоящее благо и себе, и тем, с кем он ведет диалог и сотрудничество, помогая им как минимум увидеть твердость христианина в вере и вдохновиться этим примером, а как максимум – познать истинность спасительной веры Христовой.